

Слава
Зорина

ИЗМЕНА
Правото на теб

Слава Зорина

Измена: право на тебя

<https://litres.ru/74351399>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Почему ты собираешь вещи ночью? У нас проблемы?

— У тебя проблемы, Ань. Большие. — Кирилл нервно усмехнулся, запихивая деньги из сейфа в карман.

— Я давно тебе изменяю, Ань и... так вышло, связался не с той бабой. Она залетела, а я её бросил, а теперь ее чокнутый братец хочет моей крови.

— погоди, что? Ты изменил мне и бросил беременную?

— Ой, все, не время читать мораль! — перебил он. — Я отдал Климову всё, что у нас было. Клинику, квартиру, машину.

— У нас? Это было моё! А квартира вообще бабушки...

— Было твоё, стало его... У меня не было выбора! — рявкнул он, отталкивая меня с прохода. — Либо плачу долг, либо он меня закопает. Денег у меня нет. Зато есть ты и твое имущество. Ну и бабка твоя... в надежном месте. В одной частной клинике для душевнобольных.

— Что?! Она здорова! Зачем?!

— Чтобы продать дачу и закрыть часть долга. Старуха упиралась, пришлось изолировать.

— Ты продал меня

— Спасаю свою шкуру, а Климов не тронет женщину.
Наверное.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Слава Зорина

Измена: право на тебя

Глава 1

Маркер по белому халату провел жирную зеленую полосу, когда Миша Григорьев дернул рукой. Я отстранилась, подняла бровь.

— Так, и кто у нас здесь? Художник? — спросила я. — Или все-таки пациент?

Мальчишка семи лет уставился на меня виноватыми глазами.

— Простите, доктор... — тут же попыталась начать его мать.

— Ничего страшного. Миша, ты хотел бы послушать свое сердце?

Глаза мальчишки загорелись искренним интересом. Я дала ему стетоскоп, помогла вставить наушники, приложила мембрану к его худенькой груди. Он замер, слушая, и лицо вдруг стало серьезным, взрослым.

— Таак громко стучит, — прошептал он.

— Потому что сильное очень и будет стучать еще сто лет.

Я выписала направление на анализы, проводила их до двери, сунув Мишке эко конфетку, а сама вернулась к столу.

День обещал быть суетным, но вполне штатным: ОРВИ, прививки, пара истерик у малышей, истерика у родителей. Ничего особенного.

В наш обеденный перерыв, наш администратор Лена открыла коробку с пирожными.

— А у нас сегодня мини-юбилей! Десять месяцев клиники, — объявила она торжественно. — Я принесла эклеры.

— Ты меня разоришь на стоматологах, — буркнула я, но взяла один.

Ягодный крем растекся по языку, и на секунду я даже глаза прикрыла глаза от удовольствия. Когда последний раз ела что-то вкусное просто так, не на бегу, чтоб полностью почувствовать вкус, насладиться блюдом? Месяц назад? Два?

Телефон завибрировал в кармане. Я вытерла пальцы салфеткой и ответила.

— Привет, — голос мужа был каким-то натянутым. — Слушай, бабуля твоя в санатории устроилась. Знакомые посоветовали, я ее отвез.

— В смысле? Какой санаторий? Когда?

— Позавчера. Я же говорил, что собирался. Ты, наверное, не слышала.

Не слышала, или он не говорил. Последние месяцы мы вообще редко разговаривали о чем-то, кроме счетов и графиков.

— Почему она сама не позвонила?

— Там связь плохая. На ресепшене сказали, что мобиль-

ные ловят через раз.

Я прислонилась к стене, зажала трубку плечом.

— Какой санаторий?

— За городом, специализированный. Сердечникам там программа хорошая, массажи, процедуры, ей полезно. Я тебе программку дома покажу и курсовку по процедурам. Все очень и очень круто.

Бабушка и правда жаловалась на давление, уставала, но...

— Кирилл, ты мог хотя бы предупредить.

— Предупреждал же, ну. — В голосе мелькнуло раздражение. — Все, Ань, я на работе. Поговорим вечером, ладно?

Он завершил звонок, не дожидаясь ответа.

Я сунула телефон обратно в карман, возвращаясь к чаю и пирожному, которое совсем перехотелось есть. Что-то неприятное скреблось изнутри. Казалось бы, с чего бы? Я всячески пыталась задвинуть это ощущение на дальнюю полку, но оно неустанно возвраалось. Так, все, еще четыре пациента, а вечером моно будет с мужем поговорить более предметно.

До дома я добралась к восьми. Ноги гудели, а в голове стучало. Все же ожидания от суетного, но вполне обычного дня не сбылись, он выдался нервным, одна мамаша чуть не устроила грандиозный скандал, попив крови, кажется, абсолютно всему персоналу.

Я скинула ботинки у порога, прошла на кухню. Кирилл жадно хлебал воду прямо из бутылки. Светлые волосы были

слегка влажные, видимо, только из душа.

— Привет.

Он обернулся, коротко кивнул.

— Привет.

Я открыла холодильник, достала остатки супа. Разогрела в микроволновке и села за стол. Кирилл не двинулся с места, просто смотрел в окно, нервно стучал пальцами по подоконнику и пил воду.

— Как дела?

— Нормально. — Кирилл развернулся и я увидела на ребрах, чуть выше пояса джинсов, темное пятно. Свежий синяк с фиолетовым отливом.

— Что это? — Я кивнула на его бок.

— На тренировке упал, грифом зацепили. — Он резко дернулся и тут же поморщился.

— Дай посмотрю.

— Аня, все нормально. Обычный синяк.

Я отложила ложку, встала и подошла. Муж попытался отстраниться, но я уже видела, что это синяк был большой, темный, явно болезненный. Слишком большой для случайного удара грифом.

— Тебя ударили, — констатировала я.

— Я же сказал упал.

Пальцы мои едва коснулись края повреждения, муж скривился. Ребра целые, но ушиб серьезный.

— Кирилл...

— Господи, Аня, оставь! — Он отодвинулся. — Не надо устраивать допрос. Я взрослый мужик, разберусь.

Я вернулась к столу, но суп больше не лез. Что-то было не так: синяк, нервозность, этот санаторий для бабушки, про который он «говорил», а я «не слышала». Достав телефон, набрала бабушкин номер. Длинные гудки. Раз, два, три. Автоответчик. Еще раз, все то же самое.

— Перестань названивать, — буркнул Кирилл, явно поняв, кому пытаюсь дозвониться. — Я же сказал, там связь плохая.

Он стоял у раковины, мыл чашку, теперь не оборачиваясь. Когда мы последний раз разговаривали по-настоящему? Не о счетах, не о ремонте, не о пустяках и вообще не через спину и бросаясь в друг друга короткими фразочками? Когда он последний раз смотрел на меня так, будто действительно видит? Полгода назад? Больше?

— Я в душ?

— Хорошо, а я телек гляну, наверное.

Я быстро сходила в душ и легла в кровать. Присоединяться к Кириллу на просмотр фильма не хотелось. Телефон лежал рядом, и внезапно экран засветился в темноте. Я дернулась, хватая трубку, в надежде, что у бабули появилась связь, но вместо этого перечитывала входящее сообщение снова и снова:

«Твой муж — труп».

Я уставилась на экран. Буквыплыли, складывались в сло-

ва, которые не укладывались в голове, попыталась перезвонить на этот номер, но он был недоступен.

За стеной что-то упало. Стало отчего-то страшно, но я вскочила, путаясь в одеяле и простынях, больно ушиблась о прикроватную тумбочку, но все же вылетела в гостиную. Кирилл... стоял в прихожей, а рядом с ним на полу лежал чемодан. Он запихивал туда рубашки, джинсы, носки слишком быстро, небрежно, как человек, у которого нет времени.

— Что ты делаешь?

Он даже не поднял головы.

— Уезжаю на пару дней по работе.

— В половине двенадцатого ночи?

— Рейс ранний, легче выехать сейчас. — Он застегнул чемодан, из которого торчал манжет синей рубашки, рывком поднял его.

— Кирилл...

— Что? — Он наконец неохотно посмотрел на меня.

— Скажи мне правду.

Он усмехнулся криво, мазнул по мне холодным, колючим взглядом, а я впервые не узнавала мужчину, которого считала своим мужем. У двери сейчас стоял совершенно посторонний, чужой мужик.

— Какую правду, Аня?

Глава 2

— Кирилл, посмотри на меня.

— Ну? — Он замер, выдохнул и обернулся с напряженным лицом.

— Что происходит?

— Происходит? — Мой муж как-то разом перестал быть мне... знакомым? Вот, еще секунду назад, передо мной стоял мой Кир, а сейчас совершенно незнакомый мужик, с кривой усмешкой. — Аня, у тебя настолько идеальная жизнь, что ты вряд ли сможешь представить, как все летит в задницу за одну секунду.

— Объясни мне.

Он лишь качнул головой, прошел мимо меня в коридор. Я пошла за ним.

— Кирилл!

— Ты хочешь знать? — Муж развернулся резко, зло. — Хорошо. Была одна девушка, я с ней переспал. Она решила, что мы теперь пара, а она любовь всей моей жизни. Потом выяснилось, что она вдобавок беременна. Я сказал, чтобы решала вопрос сама, я не при делах.

— Когда? — мой вопрос прозвучал настолько буднично и спокойно, что аж самой стало страшно. — Все вот это, когда у вас началось?

— Полгода назад...

Итак, поздравляю, полгода ты рогатая коза, неслась домой, готовила ему вкусняшки и спала в одной постели, а у него вон, на стороне жизнь кипит и налаживается!

— И что же, — вместо скандала и истерики, я задаю волнующий меня вопрос, — она оставила ребенка или последовала твоему совету?

— Не знаю, мне было плевать. — Он достал сигареты, закурил прямо в квартире, хотя знал, что я терпеть не могу дым. — А потом выяснилось, что это сестра Климова. Слышала такую фамилию?

Я покачала головой.

— Это человек, которого лучше не злить. У него бизнес, связи, деньги, и он очень любит свою сестренку, как оказалось... — Кирилл затаился, выдохнул дым в потолок. — Позавчера меня забрали его люди, накоматыляли, ты видела, и притащили к нему. Он сказал, что у меня двадцать четыре часа, чтобы исчезнуть из города, иначе меня закопают.

Кирилл говорил ровно, почти буднично, будто рассказывал какую-то выдуманную историю, одну из тех, которые из уст в уста рассказывают, тем самым разнося сплетни. Только пальцы его сжимали сигарету так сильно, что он фильтр смял.

— Я подписал документы, все, что он попросил.

— Какие документы?

— Клинику я отдал, Аня! Твою детскую клинику. Она теперь не твоя, а его.

Я открыла рот, закрыла, опять его открыла. Как выброшенная на берег рыба, честное слово!

— Документы ж были оформлены на мое имя, — продолжал муж, и голос его стал жестче, циничнее. — Я твой супруг, по закону мне можно было все переписать. И я переписал. Потому что иначе меня бы убили. Понимаешь?

Десять месяцев работы, кредиты, ремонт, оборудование, каждый гвоздь, каждая лампочка. Я вкладывала последние деньги, брала в долг, искала инвесторов. Это была моя жизнь...

— Ты не мог... — Голос сорвался, я сглотнула, прокашлялась и попыталась снова. — Ты не мог этого сделать...

— Мог. И сделал.

Он стряхнул пепел на пол, посмотрел на окурок, будто раздумывал, затушить его или нет. Потом опять нагло прошлепал мимо меня, загремел чем-то на кухне и только потом вернулся.

— И это еще не все, — в его голосе появилось что-то похожее на злорадство. — Квартиру я заложил под кредит, и не платил. Банк наверное уже начал процесс.

— Квартиру? — Тупо переспросила я, схватившись за ручку двери. Это ведь была бабушкина квартира! Та, в которой я выросла, где стены помнили каждый мой смех и каждую слезу. Единственное, что у меня было.

— Нужны были деньги. — Кирилл пожал плечами. — На жизнь, на расходы, мы и так с тобой еле выживали с твоими

вложениями в дело.

Я шагнула к нему, не думая. Рука взлетела сама и ладонь со всей силы звучно врезалась в его щеку. Кирилл качнулся, схватился за лицо. На коже проступал красный след.

— Ты больная, да?! — прошипел он. — Какого руки распускать. А еще детский врач, сама доброта, ничего не скажешь...

— Где бабушка?

— А, бабулька, подходим к самому вкусному. Это отдельная история. — Голос стал насмешливым, почти веселым. — Она в психушке, в одной частной конторке для буйных. Я оформил документы, сказал, что у нее старческий психоз и она опасна для себя и окружающих. Врачи там свои, они не задают вопросов, когда на карман там падает внушительный кирпич кюпюр.

— Ты... что?

— Она мне была нужна только для денег. У нее есть сбережения, квартира, пенсия. Все это можно обналичить, если у тебя есть доверенность, а у меня она есть. Ты же сама мне ее дала два года назад, помнишь?

Он говорил, а я не могла дышать. Моя бабушка семидесяти восьми лет, хрупкая, с больным сердцем, заперта в сомнительной психиатрической клинике.

— Ты не попадешь к ней, — продолжал он. — Документы у меня, разрешение только через меня, а меня не будет. Я уезжаю навсегда.

Я шагнула к нему, схватила за куртку обеими руками.

— Верни все! Верни клинику, квартиру, вытаци бабушку.

Немедленно!

Он отстранился, оттолкнул мои руки.

— Ты меня не слышишь? Климов меня убьет. Мне плевать на твою клинику, на квартиру и на старуху. Я спасаю свою шкуру. В таких вариантах, Анют, каждый за себя, сорян.

— Ты не можешь...

— Могу. Уже сделал. — Он схватил сумку с пола, повесил на плечо. — Разбирайся сама, ты же умная, аж целый педиатр, умеешь находить подход.

Он шагнул к двери, повернул ручку.

Я стояла посреди коридора, и тянулась к нему схватить, остановить, ударить снова, но ноги не слушались, будто приросли к полу.

— Кирилл...

— Что?

— Я найду тебя.

Он усмехнулся.

— Попробуй, но сначала найди бабульку, и клинику свою верни. Удачи, Аня.

Я осталась стоять в пустой квартире, которая больше не была моей. Слышала, как шаги его затихают в подъезде, как хлопает дверь парадной. Смотрела на пол, где валялся пепел от его сигареты.

Потом опустилась на колени прямо там, посреди коридора, и впервые за много лет не знала, что делать, к кому бежать и просить помощи. Ведь самый близкий и родной человек, тот, кто клялся и божился меня защищать, быть в горе и радости только что не просто предал, а нагло и без сожалений растоптал мою жизнь.

Глава 3

Руки дрожали не от страха, от ярости. Я прошла в ванную, умылась ледяной водой, с каким-то странным отупением посмотрела на свое отражение. Не откладывая ни минуты, взяла телефон, набрала первый номер из списка психиатрических клиник, который нашла в интернете.

— Клиника «Надежда», слушаю.

— Здравствуйте. У вас находится пациентка Мария Петровна Светлова, я её внучка, мне нужно с ней связаться.

— Минуточку. — Шуршание бумаг, стук клавиш. — Нет такой пациентки.

Следующий номер, и ещё один, и ещё... Я обзвонила семь клиник и нигде не было бабушки. Либо Кирилл назвал другое имя при регистрации, либо вообще лгал про клинику. Черт его знает, он мог придумать что угодно.

Я набрала полицию. Объяснила ситуацию дежурному: муж оформил бабушку в психушку незаконно, документы поддельные, нужна помощь.

— Подайте заявление в участок с документами.

— Какими документами? Вы что, не слышали, о чем я вам десять минут рассказывала? Муж забрал все документы.

— Без документов помочь не можем.

Куда звонить? Кому? У кого просить помощи?!

Я набрала Леру, подруга еще с университета работает

юристом в крупной конторе. Она всегда говорила, что если мне понадобится помощь, я могу позвонить хоть ночью.

— Аня? — она едва слышно бормотала в трубку. — Что случилось?

Я рассказала коротко про Кирилла, клинику, квартиру, бабушку. Лера слушала молча, только иногда вздыхала.

— Господи, Ань. Ты уверена, что он все это сделал? Похоже на сюжет какого-то сериала.

— Он сам мне сказал.

— Если документы подписаны, и он действительно был указан как совладелец или доверенное лицо, то формально все законно. Ты можешь подать в суд, доказывать принуждение, мошенничество, но это месяцы, а может, годы, если будут назначены соответствующие экспертизы.

— А бабушка? — Я закрыла глаза, прислонилась лбом к стене.

— С бабушкой сложнее. Если он оформил документы на недееспособность, тебе нужно, опять-таки, провести независимую экспертизу, доказать, что она в здравом уме, и потом аннулировать его решение через суд.

— Сколько это займет, если я оперативно ее разыщу?

— Месяца три минимум, если повезет.

Бабушка не переживет три месяца в психушке, у нее сердце, давление, она точно не выдержит.

— Есть другие варианты? — Голос мой сорвался на последнем слове.

— Найти его и заставить отменить все добровольно, но, Аня, если он сбежал...

— Я найду.

— Как?

— Из-под земли достану теперь. Спасибо, Лер.

— Аня, подожди, только не делай глупостей. Давай завтра встретимся, посмотрим документы, те что у тебя на руках есть...

Я сбросила звонок. Нет времени на все вот это. Нужно поехать в клинику, посмотреть документы в сейфе, возможно он там что-то припрятал?

Вся дорога прошла как в тумане. Я то и дело крутила события прошлого, старалась найти какие-то знаки, изменение в поведении, хотя бы что-то, указывающее на то, что мне наставляют рога. Но нет, мой муженек был таким, как всегда.

Благо, в холле было пусто, никто сегодня не додумался остаться на переработку. Я дошла до своего кабинета, тихо щелкнула замком, и только оказавшись за закрытой дверью своего убежища, выдохнула. Здесь все было как вчера: стол, стул, кушетка для осмотров. Полки с книгами, шкаф с инструментами. Всё на месте, только теперь все это больше не принадлежало мне и... где-то в коридоре хлопнула дверь.

Я замерла испуганным кроликом, прислушалась. Кто может быть здесь ночью?! Тяжёлые, неровные шаги приближались. Послышалась ругань.

— Ты чего тянешь? Неси давай, — голос хриплый, нерв-

ный. — Ты же видел, она как раз сюда прошмыгнула. Считай, карты легли как надо.

— Заткнись, я несу.

Несмотря на страх, я вышла из кабинета, а надо бы полицию вызвать, конечно. Но после недавнего разговора... В коридоре стояли два шкафа, прям как в кино показывают! Один широкоплечий, в чёрной куртке, поддерживал второго, повыше и явно тяжелее. Этот еле держался на ногах. Я нахмурилась, сканируя его взглядом. Рубашка на нём была светлая когда-то, а сейчас пропиталась кровью почти до пояса. Взгляд мой метнулся к его лицу. Даже в свете тусклых коридорных ламп, оно было бледное, а губы вообще, серые.

Тот, что был в куртке, увидев меня, дёрнулся, внезапно сам шуганувшись и меня испугав. Я буквально синхронно повторила его маневр.

— Где врач?

Я шагнула ближе, посмотрела на раненого. Кровь текла из раны на боку, медленно, но не останавливалась. Пульс, скорее всего, реши я проверить, будет слабый и он пока что находится в шоке. Как только все пройдет, на ногах он вряд ли стоять сможет! Нужна скорая, госпитализация и, очень и очень операционная.

— Я врач, детский. Педиатр. А ему нужна скорая и операционный стол.

Тот, что держал раненого, вытащил пистолет из-за пояса и ткнул в мою сторону, куда-то на уровне лба.

— Никаких скорых. Шей здесь.

Я посмотрела на ствол, потом на раненого. Он дышал тяжело, хрипло, и весь вес уже явно отдал тому, кто его поддерживал. Скоро точно отрубиться.

— У меня нет оборудования для такого, он истечёт кровью.

— Это ж клиника, докторша, алло! У вас должен быть кабинет для чрезвычайных ситуаций. Шевелись быстрее, нечего тут пургу молоть.

Раненый вдруг дёрнулся, открыл глаза и уставился на меня не мигая. Глаза его были тёмные, почти чёрные. Он явно попытался что-то сказать, но не смог, ноги у него подкосились, и он совсем обмяк. Державший его мужик сам покачнулся и рухнул вместе с ним на пол. Я рефлекторно рванула вперед, подхватывая раненого, чтобы он головой не стукнулся о пол. Огромный вес навалился и на меня, огромный, тяжёлый. Я охнула.

Второй мужик убрал пистолет и подхватил раненого.

— Так, ладно... ладно... нам нужно перенести его в оперблок. Он у нас действительно есть для urgentных посетителей, но это детское отделение.

— Куда несем? — рявкнул второй, вообще не слушая то, что говорю.

Я кивнула вглубь коридора.

— А потом на третий этаж. Лучше каталку привезите. Перенесем его туда и уже покатым. Я пока лифт грузовой под-

ключу. — Подхватившись я рванула к лифтам, пытаясь вспоминать все то, что мы проходили по хирургии во время учебы, я даже ординатуру по детской хирургии прошла, но решила что ну его, мне чужое горе не вынести. Тем более когда это малыши, а тут вон что...

А ещё мне нужно было не думать о том, из-за чего этот человек пострадал и почему нельзя в скорую. Кто захотел его убить, и чем мне грозит эта помощь.

Глава 4

Мы дотащили раненого до операционной на втором этаже, и когда его укладывали на стол, я вдруг четко осознала, что понятия не имею, что делать дальше. Детская хирургия — это вырезать аппендицит у десятилетки или зашить рассеченную бровь. А передо мной лежал мужик килограммов под сто, с ножевым ранением, которое продолжало кровоточить!

— Еще раз напоминаю, что не хирург! — сказала я, отступая на шаг. — Я детей лечу, маленьких детей, а вам нужна скорая, настоящий хирург, операционная...

Телохранитель достал пистолет, положил его на соседнюю тумбочку так, чтобы я видела.

— Научись. Если он умрет, ты отправишься следом.

Я посмотрела на оружие, потом на раненого. Рубашка на нем промокла насквозь, дыхание стало поверхностным, частым. Шок углублялся, и если сейчас ничего не сделать, через полчаса останется только труп. Не знаю на каких инстинктах, знаниях и какой памяти я потянулась к шкафу с инструментами, мозг уже перебирал последовательность действий.

— Мне нужна помощь, — бросила я через плечо, доставая перчатки. — Вам нужно будет делать то, что я скажу. Если будете стоять и просто мне угрожать пушкой — он умрет и с

моим вмешательством, и безю

Телохранитель нахмурился, но кивнул.

— Сделаю, что скажешь.

Я подготовила инструменты, тщательно вымыла руки, надела перчатки. Скомандовала включить верхний свет, яркий, операционный, и потребовала чтоб охранник разрезал на раненом рубашку ножницами. Рана была на левом боку, чуть ниже ребер — длинная, рваная. Нож вошел под углом, задел что-то важное, судя по объему кровопотери. Печень? Селезенка? Желудок? Господи, я же не знаю, что там внутри творится, у меня нет рентгена, УЗИ, анализов...

— Давление падает, — пробормотала я, нащупывая пульс на шее. Слабый, нитевидный. — Мне нужен физраствор, большие объемы, катетер... — ну конечно же, кто ж мне это все подаст! Впервые я не сдержала крепкое словцо и метнулась к шкафам сама. Вот тебе и стерильность, вашу маму!

Руки тряслись так, что первая попытка поставить катетер провалилась — игла соскользнула с вены. Я выдохнула, вытерла ладони о халат, попробовала снова. На этот раз получилось. Физраствор пошел в вену, медленно, капля за каплей.

— Держи флакон повыше, — велела я телохранителю. — Вот так, не дергайся.

Рану нужно было промыть, осмотреть, понять, что именно повреждено. Я залила антисептиком, раздвинула края пальцами. Кровь хлынула снова, теплая, липкая, заляпала пер-

чатки. Внутри что-то темнело, пульсировало. Сосуд. Я зажала его пальцами, почувствовав, как под подушечками бьется чужая жизнь.

— Зажим, мне нужен зажим, — прошептала я.

Телохранитель уставился на меня.

— Какой еще зажим?

— Вон там, в лотке, металлическая штука, похожа на ножницы. Быстро!

Он сунул мне инструмент, я наложила зажим на сосуд, перекрывая кровоток. Дыхание раненого стало чуть ровнее, но ненадолго. Времени было мало, и каждая секунда на счету. Я взяла иглу с ниткой, вдела дрожащими пальцами, согнулась над раной. Шить нужно было аккуратно, послойно.

— Давай быстрее, — рявкнул телохранитель.

— Заткнись, — огрызнулась я. — Если хочешь, чтобы он выжил, дай мне сосредоточиться.

Второй стежок лег лучше. Третий. Четвертый. Я шла медленно, стягивая ткани, закрывая дыру изнутри наружу. Пот катился по спине, заливал глаза, но останавливаться нельзя было. В какой-то момент раненый дернулся, застонал, и я замерла.

— Лежать, — прошипела я, прижимая его плечо. — Не дергайся, или я тебя зашью вместе с простыней.

Он снова застыл, только дыхание сбилось. Я продолжила, стежок за стежком, пока рана не закрылась. Последний узел затянула так крепко, что нить чуть не лопнула. Потом об-

работала шов, наложила повязку, закрепила бинтами. Руки болели, в глазах мутнело, но я еще проверила капельницу, пульс, давление.

— Живой, — выдохнула я, отступая. — Пока живой.

Телохранитель убрал пистолет за пояс.

— Молодец.

Я не ответила, просто рухнула на стул в углу кабинета. Адреналин схлынул разом, оставив после себя пустоту и дрожь. Только сейчас я осознала, что сделала — вытащила человека с того света прямо здесь, в детской клинике, под дулом пистолета. Это было безумие. Преступление, скорее всего. Но выбора не было.

Раненый снова зашевелился, приоткрыл глаза. Темные, почти черные, они медленно сфокусировались на мне. Несколько секунд он просто смотрел, не мигая, а потом вдруг выдал:

— Ты... плачешь?

Я вздрогнула, провела рукой по лицу. Мокрое. Черт. Даже не заметила, когда слезы покатились.

— Нет, это пот, — буркнула, отворачиваясь. — Заткнись и не дергайся, я тебя только зашила.

Он усмехнулся — еле заметно, одним уголком губ.

— Врунья.

— Пациент, который спорит с врачом, получает клизму, — отрезала я. — Хочешь проверить?

Усмешка стала шире, хоть и была явно вымученный, а по-

том он закрыл глаза, снова проваливаясь в полудрему. Я проверила его пульс, поправила капельницу и вернулась на стул. Телохранитель стоял у двери, скрестив руки на груди.

— Ты остаешься? — спросила я.

— Пока он не очнется нормально.

Ночь тянулась бесконечно. Я проверяла раненого каждые полчаса — температура, давление, повязка. Телохранитель так и простоял у двери, не шелохнувшись. В какой-то момент я задремала, привалившись к стене, но проснулась от стога. Раненый снова пришел в себя, попытался сесть и сморщился от боли.

— Лежать, — велела я, подходя. — Швы разойдутся.

Он послушался, откинулся на подушку. Смотрел на меня внимательно, изучающе, будто пытался что-то понять.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Аня.

— Спасибо, Аня.

— Не так чтоб я была рада представившейся возможности... Обычно в мою клинику не приносят раненых бандитов, — парировала я.

Он прикрыл глаза, помолчал.

— Кто ты? — спросил наконец. — Владелица?

— Была, — ответила я коротко. — До вчерашнего дня.

Он нахмурился, но расспрашивать не стал. Мы помолчали, и я снова вернулась на свой стул.

Утром мой внезапный пациент проснулся с уже более яс-

ным взглядом. Телохранитель подошел к нему, что-то прошептал на ухо. Тот кивнул, перевел взгляд на меня.

— Как фамилия твоего мужа? — спросил он неожиданно. Я замерла.

— Григорьев. А что?

Он медленно сел, не обращая внимания на боль, и уставился на меня так, будто увидел впервые.

— Кирилл Григорьев, он твой муж?

— Ну не так чтоб прям муж, скорее уже бывший, — поправила я. — Он ушел позавчера.

Мужик выдохнул, обреченно провел рукой по лицу.

— Господи. Ты его жена.

— А ты кто?

— Демьян Климов. Тот, кто выгнал твоего мужа из города.

Глава 5

Н-да, вот тебе и игры вселенной. Спасла того, кто не только разрушил мою жизнь, но и забрал клинику, заставил Кирилла бежать, оставив меня разгребать последствия.

— Так вот ты какой, цветочек аленький, — выдавила я.

— До цветочка далековато, но я, да, — подтвердил Климов, не отводя взгляда. — Твой муж обесчестил мою сестру, бросил её беременную. Я просто расставил точки.

— Расставил, — повторила я и рассмеялась. Истерично, зло, так, что сама себя испугалась. — А заодно забрал мою клинику, которую я с нуля поднимала три года. Удобно, наверное, так расставлять точки.

Демьян приподнялся на локте, поморщившись. Телохранитель шагнул вперед, но тот остановил его жестом.

— Клиника оформлена была на его имя, — сказал Климов ровно. — Он подписал документы добровольно.

— Добровольно? — Я шагнула ближе, сжав кулаки. — Ты дал ему двадцать четыре часа, чтобы свалить из города, или его убьют. Какая тут добровольность?

— У него был выбор, — Демьян сел, опираясь на подушку. — Отдать бумажку или отдать жизнь. Он выбрал.

Я прикрыла глаза, досчитала до десяти. Руки тряслись, хотелось взять что-нибудь тяжелое и запустить в эту самоуверенную рожу. Но я врач, черт возьми, я только что спасла

ему жизнь!

— Спасибо за помощь, — сказал Климов, вставая. Он держался за бок, его слегка пошатывало, но он все равно отказывался от помощи своих амбалов. — Теперь освобождай помещение. Оно мое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.